

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

ПРЕДКИ ПТИЧНИЦЫ
ГРЕТЫ

Ганс Андерсен

Предки птичницы Греты

«Public Domain»

1869

Андерсен Г. Х.

Предки птичницы Греты / Г. Х. Андерсен — «Public Domain»,
1869

«Птичница Грета была единственной представительницей рода человеческого в новом, красивом домике, выстроенном при усадьбе для кур и уток. Стоял он как раз на том же самом месте, где прежде возвышался старинный барский дом с башнями, кровлею «щипцом» и рвом, через который был перекинут подъёмный мост. В нескольких шагах от домика начиналась дикая чаща кустов и деревьев; прежде тут был сад, спускавшийся к большому озеру, которое теперь стало болотом. Над высокими старыми деревьями кружились и кричали грачи, вороны, галки – несметные стаи...»

© Андерсен Г. Х., 1869

© Public Domain, 1869

Ганс Христиан Андерсен

Предки птичницы Греты

Птичница Грета была единственной представительницей рода человеческого в новом, красивом домике, выстроенном при усадьбе для кур и уток. Стоял он как раз на том же самом месте, где прежде возвышался старинный барский дом с башнями, кровлею «щипцом» и рвом, через который был перекинут подъёмный мост. В нескольких шагах от домика начиналась дикая чаща кустов и деревьев; прежде тут был сад, спускавшийся к большому озеру, которое теперь стало болотом. Над высокими старыми деревьями кружились и кричали грачи, вороны, галки – несметные стаи. Число их не убавлялось, сколько их ни стреляли, скорее прибавлялось. Крики их слышны были даже в птичнике, где сидела Грета, любясь утятками, то и дело переползавшими через её ноги, обутые в деревянные башмаки. Старушка знала наперечёт всех своих кур и уток и блюла их с той самой минуты, как они вылуплялись из яичек. Она гордилась ими, гордилась и великолепным домиком, построенным для них. В маленькой комнатке её царствовал такой порядок, такая чистота, – этого требовала сама госпожа, владелица птичника. Она часто приводила сюда своих знатных гостей «полюбоваться утиными и куриными казармами», – как она выражалась.

В комнатке Греты был и платяной шкаф, и кресло, и даже комод, а на нём красовалась блестящая, полированная медная дощечка, с вырезанною надписью: «Груббе». Так именно прозывался древний дворянский род, владевший когда-то старою, исчезнувшею усадьбой. Дощечку эту нашли в земле, когда клали фундамент для нового дома, но, по словам пономаря, она имела цену только, как памятник старины, не более. Пономарь был вообще очень сведущ, сведения же свои почерпал из книг, да из старинных рукописей, – их у него в ящиках лежало множество. Да, много знал он о старине, но старейшая из ворон знала, пожалуй, побольше его. Она и не таила этого, выкрикивала свои знания во всеуслышание, но по-своему, по-вороньи, а по-вороньи-то пономарь, несмотря на всю свою учёность, не понимал.

Вечерами, после тёплых летних дней, над болотом подымался густой туман, и вся местность казалась издали большим озером, доходившим вплоть до старых деревьев, над которыми летали грачи, вороны и галки. Такое-то вот озеро и расстилалось здесь в старину, когда ещё жив был господин Груббе, владелец старого барского дома с красными кирпичными стенами. Дворовая собака ходила на такой длинной цепи, что могла бегать даже за воротами, а башня была соединена с жилыми покоем бесконечно длинною кирпичною галереей. Окошечки в доме были маленькие, узенькие даже в главной зале, где происходили танцы. Впрочем, при последнем владельце в доме уж не танцевали, хотя в зале всё ещё хранился старинный барабан, игравший когда-то роль в оркестре. Тут же стоял шкаф, весь покрытый искусною резьбою; в нём хранились редкие цветочные луковичы, – госпожа Груббе занималась садоводством. Супруг же её предпочитал стрелять волков да кабанов, а за ним всюду следовала и маленькая дочка его Мария. Лет пяти от роду она ужепреважно сидела на коне и смело посматривала кругом своими большими чёрными глазами. Её очень забавляло щёлкать бичом над головами охотничьих собак, отец же предпочитал, чтобы она щёлкала им по спинам крестьянских мальчишек, которые сбегались глазеть на господ.

Возле самой усадьбы стояла землянка одного крестьянина. У него был сын Сёрен, одних лет с дочерью господина. Сёрен мастер был карабкаться по деревьям, и барышня постоянно заставляла его доставать ей птичьи гнёзда. Птицы вопили, что было мочи, а одна из самых больших взяла раз, да и клюнула мальчишку прямо в бровь. Кровь полилась ручьём, думали, что с нею вытечет и глаз, но нет, он уцелел. Мария Груббе звала мальчика: «мой Сёрен»; это было знаком большого благоволения, и оно таки пригодилося однажды самому отцу мальчика, бедняку Иону. Он как-то раз провинился, и его посадили верхом на кобылку, т. е. на узкую

острую дощечку, укреплённую на четырёх деревянных подпорках, а к ногам привязали тяжёлые камни, чтобы ему не сиделось чересчур удобно. Бедняк корчил страдальческие гримасы, Сёрен ревел и просил заступничества Марии. Она сейчас же велела спустить крестьянина с кобылки, но её не послушались. Тогда она затопала ногами по каменной мостовой двора и так рванула своего отца за рукав, что рукав треснул. Уж она умела поставить на своём! Пришлось уступить ей и освободить отца Сёрена.

Госпожа Груббе, которая в это время вышла на двор, погладила дочку по головке и ласково поглядела на неё, но Мария не поняла причины.

Её больше тянуло к охотничьим собакам, чем к матери, и мать одна отправилась в сад, к озеру, поросшему тростником, кувшинками и другими красивыми болотными цветами и растениями. Госпожа Груббе залюбовалась этою мирною картиною. «Как хорошо здесь!» шептали её губы. В саду росло, между прочим, одно, в те времена очень редкое, дерево, которое она сама посадила – «красный бук». Оно было своего рода мавром среди других деревьев, такие тёмно-коричневые на нём росли листья. Дереву нужен был яркий солнечный свет: в тени оно стало бы зелёным, как и все прочие деревья, и лишилось бы своей достопримечательности. В ветвях высоких каштанов было пропасть гнёзд, в кустах и в траве тоже. Птицы как будто знали, что они тут в безопасности, что здесь никто не смеет палить в них из ружей.

Но вот явилась маленькая Мария с Сёреном, а он, ведь, как мы знаем, умел лазить на деревья за птичьими яйцами и покрытыми пушком птенчиками. Птицы и большие, и малые в ужасе подняли крик, принялись летать и хлопать крыльями! Из травы взлетали пигалицы, с деревьев грачи, вороны и галки, и всё это каркало, кричало, вопило, как вопят эти породы и поныне.

– Что это вы делаете, дети! – вскричала кроткая госпожа Груббе. – Ведь, это безбожно!

Сёрен переконфузился, высокородная барышня тоже отвернула было личико в сторону, но потом отрывисто выпалила:

– Отец позволяет!

– Прочь! Убраться, убраться отсюда! – кричали большие чёрные птицы, улетаая.

Но на другой же день они вернулись опять, – тут, ведь, они были у себя дома.

А вот тихая, кроткая госпожа Груббе так недолго оставалась тут; Господь Бог отозвал её к Себе, – она больше была у себя дома на небе, нежели в барской усадьбе. Тело вынесли в церковь под торжественный звон колоколов, бедняки роняли слёзы, – она была добра к ним.

После неё некому было заботиться о её растениях, и сад заглох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.